

DOI: 10.24412/2686-7702-2022-1-39-52

«Порочный круг» российско-японских отношений: сдерживающие факторы и перспективы улучшения^{*}

В.В. Нелидов

Аннотация. В середине и конце 2010-х гг. российско-японские двусторонние отношения переживали период бурного развития, во многом опиравшегося на то, что занимавший тогда пост премьер-министра С. Абэ сделал связи с Москвой одним из главных политических приоритетов, надеясь таким образом добиться решения проблемы территориального размежевания и отсутствия мирного договора на приемлемых для Москвы и Токио условиях. Время показало, что его расчёты были ошибочными: в начале 2020-х гг. к заключению мирного договора так и не удалось приблизиться, как и сохранить темп развития отношений на прежнем уровне. В связи с этим преемники С. Абэ на посту премьера, Ё. Суга и Ф. Кисида, уже в 2020–2021 гг. проявляли гораздо меньше интереса к укреплению связей с Москвой. Причины этой неудачи не ограничивались несовместимостью позиций сторон по вопросу территориального размежевания, они также включали в себя структурные факторы экономического и международно-политического характера. В этом смысле украинский кризис 2022 г., который, как представляется на момент написания статьи, приведёт к катастрофическому обрушению отношений России со странами коллективного Запада, в том числе и с Японией, стал лишь финальным аккордом долгого процесса деградации двусторонних связей.

Ключевые слова: российско-японские отношения, внешняя политика, дипломатия, Абэ Синдзо, Суга Ёсихидэ, Кисида Фумио, Северо-Восточная Азия, украинский кризис.

Автор: Нелидов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения, МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Нелидов В.В. «Порочный круг» российско-японских отношений: сдерживающие факторы и перспективы улучшения // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 1. С. 39–52. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-1-39-52

---

^{*} Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

“Vicious Circle” of Russian-Japanese Relations: Constraining Factors and Prospects for Improvement*

V.V. Nelidov

Abstract. In the mid to late 2010s, Russian-Japanese relations underwent a period of rapid growth. This was largely based on the fact that S. Abe, Prime Minister of Japan at the time, was intent on making the development of ties with Moscow one of his key political priorities, thereby hoping to solve the problems of territorial delimitation and the lack of a peace treaty between the two countries on conditions acceptable both for Moscow and Tokyo. Time has shown that his calculations were mistaken: in the early 2020s it was not possible to get closer to the conclusion of a peace treaty, as well as to maintain the pace of development of relations at the same level. Due to this, S. Abe’s successors, Y. Suga and F. Kishida, showed much less interest in developing ties with Moscow. The reasons for this failure were not limited to the incompatibility of the parties’ positions on the territorial delimitation issue, but rather included structural factors of economic and international-political nature. In this sense, the Ukrainian crisis of 2022, which, at the time this article is being finalized, seems to have caused a collapse of Russia’s relations with the countries of the collective West and with Japan and has become the final stage of a long process of deterioration of bilateral relations.

Keywords: Russian-Japanese relations, foreign policy, diplomacy, Abe Shinzō, Suga Yoshihide, Kishida Fumio, North East Asia, Ukrainian crisis.

Author: *Nelidov Vladimir V.*, PhD (History), Senior Lecturer, Department of Asian and African Studies, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Research Fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

For citation: Nelidov V.V. (2022). “Porochnyi krug” rossiysko-yaponskih otnosheni: sderzhivayushchie faktory i perspektivy uluchsheniy [“Vicious Circle” of Russian-Japanese Relations: Constraining Factors and Prospects for Improvement], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 1: 39–52. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-1-39-52

Введение

После событий 2014 г. в Крыму и на востоке Украины, приведших к резкому охлаждению отношений России со странами Запада, популярной идеей в российских внешнеполитических и научных кругах стала концепция «поворота на Восток», заключающаяся в том, что более активное взаимодействие с партнёрами в Азиатско-Тихоокеанском регионе поможет компенсировать те внешнеполитические и экономические потери, которые наша страна потерпела на западном направлении.

Актуальность приобрела мысль о том, что одним из таких партнёров могла бы стать Япония – третья экономика мира, страна со значительным населением (125 млн человек¹, немногим меньше, чем в России, и почти вдвое больше, чем во Франции или Великобритании) и мощным военным потенциалом (5 место в рейтинге Global Firepower

* The research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 19-18-00142).

¹ Данные статистического бюро Японии на 1 ноября 2021 г. URL: <https://www.stat.go.jp/english/index.html> (дата обращения: 02.02.2022).

2022 г.)². Надежды на сотрудничество с этой страной были и в советское время, и в России после 1991 г. Однако периоды относительного «потепления» в отношениях Москвы и Токио, если и наступали, то неизменно оказывались непродолжительными, а на смену им приходило похолодание. В последний раз оттепель случилась в середине – второй половине 2010-х гг. во время пребывания у власти премьер-министра Синдзо Абэ, но и в этот раз, как стало понятно уже к концу 2010-х гг. [Нелидов, 2019; Стрельцов, 2020], это сближение зашло в тупик ещё до того, как украинский кризис весны 2022 г. привёл к резкому обострению отношений России со странами «коллективного Запада», в том числе с Японией.

По какой причине взаимодействие двух стран, которое, по утверждению многих экспертов, могло бы быть выгодным им обеим, вновь и вновь не оправдывает декларируемых ожиданий их лидеров или прогнозов оптимистически настроенных комментаторов? Вызвано ли это только территориальным спором, то есть тем, что Токио по-прежнему не отказывается от претензий на принадлежащие России острова южной части Курильского архипелага (Кунашир, Итуруп, Шикотан и о-ва Хабомаи), или же причины этого более обширны? В настоящей статье предпринята попытка ответить на эти вопросы, а также оценить перспективы двустороннего трека отношений России после того, как последствия событий весны 2022 г. будут преодолены.

Следует отметить, что анализ российско-японских отношений, их отдельных аспектов и текущего состояния выступает фокусом многих трудов современных отечественных учёных (см., в частности, работы Д.В. Стрельцова [Стрельцов, 2016; Стрельцов, 2017; Стрельцов, 2020], А.Н. Панова [Панов, 2019], В.О. Кистанова [Кистанов, 2015; Кистанов, 2017], О.И. Казакова [Казаков, 2016; Казаков, 2019; Казаков, 2020], В.В. Нелидова [Нелидов, 2019; Нелидов, 2020]), а также зарубежных исследователей (А. Ивасита [Iwashita, 2019], Д. Браун [Brown, 2016], Т. Абиру [Abiru, 2019]). Тем не менее высокий темп изменений и большая практическая значимость отношений России и Японии означают, что эта тема остаётся далеко не исчерпанной, а попытка обобщения рассматриваемых процессов, которая будет предпринята в настоящем исследовании, позволяет говорить о его теоретической новизне. Последняя дополнительно обусловливается тем, что в статье затрагивается влияние кризиса, вызванного операцией России на Украине, на японо-российские отношения. Несмотря на то, что на момент подготовки настоящей статьи рано судить о будущем двусторонних российско-японских связей, первые выводы на этот счёт уже можно сделать.

Политические отношения между странами

Как было упомянуто выше, последний «медовый месяц» российско-японских отношений пришёлся на период пребывания у власти в Японии премьер-министра Синдзо Абэ (2012–2020). О приоритете российского направления он заявлял ещё в начале второго премьерского срока (первое его пребывание на посту премьера продлилось всего год, с сентября 2006 г. по сентябрь 2007 г.). В речи перед парламентом 28 февраля 2013 г. он подчёркивал: «Отношения с Россией <...> являются одним из самых перспективных двусторонних направлений для Японии. Я намерен использовать запланированный на этот

---

² 2022 Military Strength Ranking. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (accessed: 02.03.2022).

год визит (состоялся в апреле 2013 г.), чтобы придать новый импульс развитию японо-российских отношений»³.

Тем не менее уже к концу 2010-х гг. стало понятно, что сближение «выдохлось». Несмотря на то, что В. Путин и С. Абэ в период пребывания последнего у власти встречались 27 раз, никакого реального прогресса по центральной для сторон проблеме мирного договора достигнуто не было. После того, как в сентябре 2020 г. ушедшего в отставку С. Абэ на посту премьер-министра сменил Суга Ёсихидэ, стало окончательно ясно, что подвижек в решении этого вопроса не будет. За год нахождения во главе государства Ё. Суга ни разу не встретился с российским лидером, ограничившись телефонными разговорами. Конечно, это в значительной степени было вызвано объективными условиями пандемии COVID-19, однако немаловажно и то, что в отличие от своего предшественника, сделавшего налаживание связей с Россией одним из своих главных политических проектов, Ё. Суга не считал это направление ключевым.

Так, комментируя состоявшийся 29 сентября 2020 г. телефонный разговор между В. Путиным и Ё. Суга, генеральный секретарь кабинета министров Японии Като Кацунобу отметил: «Курс, нацеленный на то, чтобы решить территориальную проблему, не передавая её следующим поколениям, и заключить мирный договор, остаётся без изменений. Сохраняется та же позиция японской стороны, заключающаяся в том, что Северные территории являются островами, на которые распространяется суверенитет нашей страны, и что предметом переговоров о мирном договоре выступает решение вопроса о принадлежности четырёх островов»⁴. Приостановка курса С. Абэ в отношении Москвы не была обусловлена личной позицией Ё. Суга. Дело в том, что к концу своего премьерского срока С. Абэ подвергался резкой критике со стороны и собственных однопартийцев, и представителей общественности за свою стратегию, которая воспринималась ими как соглашательская и не соответствующая национальным интересам Японии⁵.

Та же ситуация сохранилась и после того, как в сентябре 2021 г. Ё. Суга, пробывшего у власти всего год, на посту главы японского правительства сменил другой представитель правящей Либерально-демократической партии, Фумио Кисида. Ещё до того, как его кандидатура председателя правящей партии и премьер-министра была утверждена, комментаторы поспешили отметить, что потенциальный премьер имеет большой внешнеполитический опыт (с 2012 по 2017 г. он был министром иностранных дел в правительстве С. Абэ). Более того, вспоминали и о его взаимодействии конкретно с Россией: комментаторы (вероятно, всё же не вполне серьёзно) говорили о том, что его опыт совместных застолий с главой российского внешнеполитического ведомства может стать своеобразным «активом» в отношениях с Москвой [Akimoto, 2021].

---

³ Дай хяку хати дзю: сан кай коккай ни окэру Абэ найкаку со:ри дайзин сисэй хо:син эндзэцу : [Программная речь премьер-министра Абэ на 183 сессии парламента], Prime Minister's Office of Japan. 28.02.2013. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement2/20130228siseuhousin.html (дата обращения: 02.03.2022).

⁴ Нитиро канкэй «Рё:до мондай кайкэцу си хэйва дзё:яку тэйкэцу о» камбо:тё:кан : [Генеральный секретарь кабинета министров заявляет, что японо-российские отношения нацелены на решение территориального вопроса и заключение мирного договора] // NHK. 29.09.2020. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20200929/k10012640311000.html> (дата обращения: 02.03.2022).

⁵ Walker J. & Azuma H. (2020). Shinzo Abe's Unfinished Deal With Russia. War on the Rocks, 11 September. URL: <https://warontherocks.com/2020/09/shinzo-abes-unfinished-deal-with-russia/> (accessed: 02.03.2022).

Однако никакого оживления двусторонних контактов на высшем уровне с приходом Ф. Кисида не произошло. Примечательно, что в опубликованном на официальном сайте японского МИД сообщении о первом телефонном разговоре лидеров двух стран, состоявшемся 7 октября 2021 г.⁶, сразу после слов о готовности японского лидера развивать взаимовыгодное сотрудничество говорилось о стремлении работать над решением так называемой проблемы Северных территорий. При этом на официальном сайте Кремля нет упоминания об этом диалоге, хотя сообщения об аналогичных беседах с лидерами других стран там публикуются. Это позволяет предположить, что, с точки зрения российской стороны, беседа была протокольной и не особенно содержательной.

Японское руководство после С. Абэ не считало отношения с Россией важным приоритетом, что со всей очевидностью проявляется в текстах официальных речей Ё. Суга и Ф. Кисида. Так, выступая в парламенте 26 октября 2020 г., Ё. Суга подчёркивал: «С Россией, посредством искреннего обмена мнениями между лидерами, я буду стремиться к развитию всего комплекса японо-российских отношений, включающих в себя заключение мирного договора»⁷. Спустя год, 8 октября 2021 г., Ф. Кисида произнес похожую фразу: «С Россией не решён территориальный вопрос и не заключён мирный договор. Выстраивая доверительные отношения между лидерами, я буду стремиться к развитию всего комплекса японо-российских отношений, включающих в себя заключение мирного договора»⁸. Несмотря на краткость, выступление представляется достаточно значимым, особенно с учётом того, что наша страна упоминается в нём единожды. Примечательно, что Ф. Кисида подчеркнул нерешённость «территориальной проблемы», чего не сделал Ё. Суга, а затронутое «выстраивание доверительных отношений» может означать, что, по мнению самого лидера и его спичрайтеров, на данный момент таковые отсутствуют. Таким образом, вполне можно предположить, что Ф. Кисида изначально был настроен по отношению к российско-японским связям ещё более критически, чем Ё. Суга, который в свою очередь относился к ним с бóльшим скепсисом, чем С. Абэ.

Наконец, нельзя не сказать о том, какие последствия для двусторонних отношений будет иметь военная операция по демилитаризации Украины, осуществляемая вооружёнными силами России, ДНР и ЛНР весной 2022 г. Несмотря на то, что на момент написания финальной версии настоящей статьи события этого кризиса активно развиваются, можно дать первые оценки их итогов для двустороннего трека российско-японских отношений.

По состоянию на конец февраля 2022 г. японское руководство проявляет полную солидарность со своими американскими союзниками и европейскими партнёрами в отношении российской военной операции и выдвигании санкций против России, присоединившись к другим лидерам «Большой семёрки», резко осудившим действия России. Премьер-министр Кисида объявил 25 февраля, что Япония вводит дополнительные санкции

---

⁶ Japan-Russia Summit Telephone Talk // Ministry of Foreign Affairs of Japan. October 7. 2001. URL: https://www.mofa.go.jp/erp/rss/northern/page1e_000359.html (accessed: 02.03.2022).

⁷ Дай 203 кай коккай ни окэру Суга найкаку со:ридайзин сёсин хё:мэй эндзэцу : [Программная речь премьер-министра Суга на 203 сессии парламента]. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/99_suga/statement/2020/1026shoshinhyomei.html (accessed: 02.03.2022).

⁸ Дай 205 кай коккай ни окэру Кисида найкаку со:ридайзин сёсин хё:мэй эндзэцу : [Программная речь премьер-министра Кисида на 205 сессии парламента]. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/100_kishida/statement/2021/1008shoshinhyomei.html (accessed: 02.03.2022).

против Москвы, которые включают в себя ограничения на экспорт в Россию высокотехнологичных продуктов (в том числе полупроводников), замораживание активов российских финансовых учреждений, а также приостановку выдачи виз некоторым категориям российских граждан (без уточнения, каким именно)⁹. Через два дня было объявлено о новых мерах санкционного давления на Россию и способах поддержки украинской стороны. Примечательно, что в заявлении об этих шагах Ф. Кисида подчеркнул, что действия Москвы являются, с точки зрения Токио, «попыткой одностороннего изменения статус-кво силой»¹⁰. Такая фраза традиционно используется в японских доктринальных документах, чтобы описывать вызывающие опасения действия Китая.

Каким бы ни был исход украинского кризиса, можно с уверенностью говорить, что он стал рубежом, в том числе и для российско-японских отношений. Гораздо более жёсткая, чем в 2014 г., реакция Токио, его более выраженная готовность проявлять солидарность с партнёрами по «Большой семёрке», а также неизбежное превращение России в глазах Японии в одну из главных угроз региональной безопасности, наряду с КНР и КНДР, означают, что на перспективах позитивной динамики двусторонних связей в кратко- и среднесрочной перспективе можно поставить крест. Однако, как было показано выше, эта ситуация не стала «громом среди ясного неба», её предпосылки складывались на протяжении долгого времени.

Структурные факторы динамики российско-японских отношений

Итак, в политических отношениях между двумя странами, темп развития которых начал падать ещё в конце срока С. Абэ, какой-либо существенной динамики не просматривалось и до украинских событий. Как отмечалось выше, влияние последних оценивать в полной мере рано, поэтому в данном разделе будет предпринята попытка проанализировать другие структурные причины застоя в российско-японских связях, ставшего очевидным к концу 2021 г. – началу 2022 г., от краткосрочных и связанных с текущей обстановкой в мире – до более глубоких и фундаментальных.

Пандемия COVID-19. Во многом именно эпидемия коронавирусной инфекции стала причиной того, что значительное количество международных мероприятий и визитов было отменено, а правительства сосредоточились на борьбе с пандемией и её последствиями, в то время как многие внешнеполитические вопросы отошли на второй план. Так, например, именно борьба с инфекцией стала основной задачей кабинета Ё. Суга, а его скорая отставка во многом была вызвана тем, что японское общество считало его успехи на этом направлении не слишком впечатляющими, особенно в условиях прошедшей в беспрецедентных условиях летней Олимпиады в Токио, перенесённой с 2020 г. на 2021 г.

Ограничение международных перелётов и постоянная опасность появления новых вариаций вируса резко осложнили любое взаимодействие между странами. Но даже в этих условиях было видно, что российско-японские связи развивались гораздо более скромными темпами, чем в случае с другими странами. Так, в первом полугодии 2021 г. товарооборот

---

⁹ Japan announces more sanctions on Russia after Ukraine invasion // The Japan Times. 2022. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/02/25/national/japan-new-russia-sanctions/> (accessed: 02.03.2022).

¹⁰ Following Ukraine invasion, Japan takes much tougher line on Russia // The Japan Times. 28.02.2022. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/02/28/national/japan-tougher-line-russia/> (accessed: 02.03.2022).

между нашими государствами вырос на 11,01 % по сравнению с аналогичным периодом предшествующего, пандемийного года, но в торговле с Китаем он поднялся на 26,4 %, а с Южной Кореей – на 56,84 %¹¹.

Территориальный спор. Пандемия коронавируса была «чёрным лебедем», не поддающимся прогнозированию внезапным событием, которое только усугубило имеющиеся сложности в отношениях двух стран. Более глубокой и фундаментальной причиной слабого взаимодействия Токио и Москвы является нерешённость проблемы мирного договора и территориальных претензий Японии к нашей стране. Именно она стояла в центре советско-японских отношений в послевоенный период, большую часть которого Токио придерживался концепции «*сэйкэй фукабун*» («неразделение политики и экономики»), подразумевавшей, что пока не будет решён центральный политический вопрос (удовлетворение территориальных претензий Токио), о полномасштабном экономическом сотрудничестве стран речь идти не может. Несмотря на то, что после 1991 г. этот курс не формулировался настолько открыто, общая логика сохранилась до сих пор.

Новизна подхода С. Абэ заключалась в противоположной стратегии. С его точки зрения, именно развитие экономических связей должно было создать доверительные отношения между странами, тем самым подготовить почву для решения «территориального вопроса» на приемлемых для обеих сторон условиях. Более того, хотя это и не декларировалось открыто, некоторые эксперты предполагали, что С. Абэ даже был готов отступить от традиционных претензий Японии на все четыре острова южной части Курильского архипелага (Шикотан, о-ва Хабомаи, Кунашир и Итуруп) и ограничиться первыми двумя¹² – позиция, от которой японская сторона снова однозначно отказалась при Ё. Суга и Ф. Кисида. Время показало, что все обсуждавшиеся варианты компромисса оказывались неприемлемыми либо для одной из сторон, либо для обеих. С началом украинского кризиса 2022 г. стало ясно, что ни о каких перспективах даже полноценного обсуждения – не говоря уже о решении – проблем территориального размежевания и заключения мирного договора между Россией и Японией в обозримой перспективе говорить не приходится.

Недостаточность результатов экономического сотрудничества. Одной из основополагающих частей проекта С. Абэ по налаживанию отношений с Москвой был так называемый «План экономического развития из восьми пунктов», предложенный в 2016 г. Он включал в себя сотрудничество в области развития здравоохранения, городской среды, обменов между предприятиями малого и среднего бизнеса, энергетики, диверсификации промышленной структуры России, развития промышленности на Дальнем Востоке, инновационного развития и гуманитарных обменов. Однако он так и не привёл к качественной трансформации структуры российско-японских связей.

По объёму товарооборота с Россией Япония уступает не только Китаю, что неудивительно, учитывая масштаб китайской экономики и динамику российско-китайского сотрудничества, но и таким странам, как Южная Корея или даже Турция. Структура двусторонней торговли по-прежнему такова, что говорить о какой-либо незаменимости стран друг для друга не приходится: по состоянию на начало 2020-х гг. Россия по-прежнему

¹¹ Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/> (дата обращения: 02.03.2022).

¹² Япония делит чайняния надвое // Коммерсант. 2018. №236. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3836659> (дата обращения: 02.03.2022).

продавала в Японию главным образом минеральные продукты и другие товары низкой степени обработки.

Как представляется, причины этого положения во многом носили объективный характер и были связаны скорее с параметрами инвестиционной привлекательности российской экономики, нежели с отсутствием политической воли японской стороны (тем более, соответствующие решения в конечном счёте принимаются частным бизнесом, а правительство может повлиять на них лишь косвенно). Не выдерживает критики и аргумент, что главным препятствием на пути развития российско-японских экономических связей являются территориальные претензии Японии. К примеру, Китай остаётся для неё вторым торговым партнёром (19,9 % товарооборота¹³) после США, несмотря на то, что между странами также есть территориальный спор за контролируемые японскими властями острова Сэнкаку/Дяоюйдао, расположенные в Восточно-Китайском море, а программные документы японской политики в сфере национальной безопасности рассматривают КНР как одну из главных угроз национальной безопасности Японии. Так, в «Белой книге национальной обороны Японии» за 2020 г. говорится, что «Китай предпринимает односторонние и сопровождающиеся принуждением попытки изменить статус-кво, опираясь на свои претензии, несовместимые с существующим международным порядком»¹⁴.

Ужесточение российской позиции и проблемы исторического прошлого. Как уже отмечалось, после всплеска интереса к сотрудничеству с Россией в период премьерства С. Абэ японское правительство при его преемниках, Ё. Суга и Ф. Кисида, проявляло значительно меньше внимания к развитию связей с Москвой. Это сопровождалось параллельным ужесточением российской позиции. Следует обратить особенное внимание на наметившуюся к концу 2010-х гг. тенденцию привлечения дополнительных аргументов исторического и идеологического характера для обоснования невозможности каких бы то ни было территориальных уступок Японии. Именно этим, как представляется, мотивировано решение акцентировать в официальном дискурсе победу СССР над милитаристской Японией путём официального утверждения дня окончания Второй мировой войны – 3 сентября (соответствующий закон был подписан президентом В. Путиным 24 апреля 2020 г.). Вкупе с подчёркиванием российской стороной того обстоятельства, что Курильские острова вошли в состав нашей страны по итогам Второй мировой войны и Япония должна признать такие итоги, это, вероятно, служит достаточно очевидным инструментом делегитимизации японских требований, во всяком случае, в глазах внутривосточного общественного мнения.

Другое средство, к которому прибегла российская сторона для укрепления своих позиций в территориальном споре с Японией, – включение во вступившие в силу в июле 2020 г. поправки к Конституции России п. 2.1 ст. 67, запретившие «действия, направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям». Хотя это положение сопровождается оговоркой, упоминающей случаи «делimitации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами», можно допустить, что названные поправки были направлены на создание дополнительного барьера на пути передачи российских Южных

---

¹³ Japanese Trade and Investment Statistics. JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (accessed: 02.03.2022).

¹⁴ Defense of Japan 2020. P. 58. URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2021/DOJ2021_EN_Full.pdf (accessed: 02.03.2022).

Курил или их части Японии. Во всяком случае, именно эта интерпретация оказалась наиболее распространённой в японской печати¹⁵.

Геополитический контекст. Сдерживающие факторы в российско-японских отношениях не ограничивались их двусторонним контекстом. Значительное влияние оказывала на них и общая трансформация мировой системы, вызванная нарастанием противоречий между США, с одной стороны, и КНР, с другой. Это особенно важно, если вспомнить, что Япония является ключевым союзником Соединённых Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а Россия поддерживает с Китаем отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, существенный компонент которых – сотрудничество в военной сфере. В результате, по мере усиливающейся напряжённости между США и Китаем в общую логику противостояния всё в большей степени втягивались Москва и Токио, из-за чего действия одной стороны, не представляющие в действительности реальной угрозы для другой, начинали тем не менее истолковываться в конфронтационном ключе.

Наглядный пример тому – реакция России на укрепление системы противоракетной обороны Японии. Так, в декабре 2018 г., комментируя планы размещения на её территории комплексов ПРО Aegis Ashore, директор департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России Владимир Ермаков подчёркивал: «Японские объяснения нас не могут удовлетворить, потому что на самом деле речь идёт не об укреплении обороноспособности Японии, а об упорно продолжающемся одностороннем и абсолютно бесконтрольном наращивании американского глобального противоракетного потенциала»¹⁶.

В июне 2020 г. японские власти приняли решение приостановить развёртывание комплексов, мотивируя это соображениями стоимости и безопасности [Hornung, 2020]. Имело ли это решение подоплёку, связанную с нежеланием провоцировать резкую реакцию соседей, сказать сложно, но ясно, что военный потенциал Японии, в том числе и в сфере противоракетной обороны, будет укрепляться в будущем. Усиление системы ПРО выделено в качестве одного из приоритетов в действующей среднесрочной программе развития оборонного потенциала Японии на период с 2019 по 2023 ф.г.¹⁷, а возможность ракетного удара со стороны КНДР в публикациях японского Министерства обороны называется «серьёзной и непосредственной угрозой безопасности Японии»¹⁸. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что, несмотря на решение об отмене размещения Aegis Ashore,

---

¹⁵ См., напр.: Росиа кайкэн, Путин си 5 сэн кано: э. Рё:до ко:сё: ни мо эйкё: ка : [Поправки в конституцию России дают г-ну Путину возможность избираться на пятый срок. Они также могут оказать влияние на переговоры по территориальному вопросу] // Асахи симбун Digital. 02.03.2022. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASN722PD3N72UHBI001.html> (дата обращения: 02.03.2022); Сясэцу. Росиа но кэмпо: кайсэй. Сэнсэй то дзикоку ю:сэн но аяуса : [Редакционная статья. Поправки в конституцию России. Опасность автократии и национальной исключительности] // Майнити симбун. 02.03.2022. URL: <https://mainichi.jp/articles/20200704/ddm/005/070/073000c> (дата обращения: 02.03.2021).

¹⁶ В МИД прокомментировали объяснения Японии по размещению ПРО США // РИА Новости. 14.12.2018. URL: <https://ria.ru/20181214/1547975262.html> (дата обращения: 02.03.2022).

¹⁷ Medium Term Defense Program (FY 2019 – FY 2023). December 18, 2018 // Ministry of Defense of Japan. URL: https://warp.da.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11591426/www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/chuki_seibi31-35_e.pdf (accessed: 02.03.2022).

¹⁸ Defense of Japan 2020. P. 19. URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2020/pdf/index.html (accessed: 02.03.2022).

японские власти будут развивать систему противоракетной обороны и далее, но каждый значимый шаг в этом направлении по-прежнему будет вызывать негативную реакцию Москвы.

В других случаях уже российские действия в военной сфере влекли за собой критику со стороны Японии. В июле 2019 г. Министерство обороны Республики Корея заявило, что, согласно его данным, бомбардировщики ВВС России и Китая вторглись в южнокорейскую опознавательную зону ПВО вблизи островов Лианкур (корейское название – Токто, японское – Такэсима), находящихся под контролем Республики Корея, но оспариваемых Японией. В ответ на это самолёты южнокорейских ВВС сделали несколько сотен предупредительных выстрелов. Япония в свою очередь выразила протест в Сеулу, и Москве, обвинив последнюю в нарушении воздушного пространства над акваторией, которую Токио считает своей¹⁹.

Несложно заметить, что каждый раз логика подобных ситуаций оказывалась схожей: одна из сторон предпринимала какие-либо действия в военной сфере, которые, говоря объективно, вовсе необязательно являются провокационным жестом или попыткой создать угрозу другой стороне. Японская территория действительно уязвима перед лицом потенциального ракетного удара со стороны КНДР, особенно если учесть специфику её режима, а также то, что во время предыдущих испытаний северокорейские ракеты пролетали в космическом пространстве над японской территорией. Масштабы российского Дальнего Востока вкупе с его малой освоенностью действительно делают важной задачей модернизацию там военной инфраструктуры, в том числе и средств ПВО. Однако недоверие друг к другу, обусловленное прежде всего общей атмосферой конфликтности в международных отношениях, а не опасностью собственно российско-японского военного столкновения (которое в нынешних условиях всё ещё не выглядит реалистичным), вынуждает стороны реагировать на это в конфронтационном ключе. Стремление снизить это недоверие, в немалой степени стоявшее за попыткой российско-японского сближения в период администрации С. Абэ, успехом не увенчалось.

В то же время после новой волны санкций со стороны Японии в начале 2022 г. и проявленной правительством Ф. Кисида принципиальной позиции, солидарной с «коллективным Западом» по отношению к действиям РФ на Украине, можно констатировать, что любые пути к снижению взаимного недоверия перекрыты надолго. Тот факт, что официальный Пекин хотя и не поддержал Россию открыто, но при этом однозначно высказался против любых санкций против неё²⁰, позволяет говорить о том, что сближение России и Китая в условиях новых ограничений против РФ пойдёт еще активнее. Это в свою очередь будет дополнительно обострять в том числе и российско-японские отношения.

Заключение: перспективы российско-японских отношений

Рассмотрение причин, по которым во взаимодействиях Москвы и Токио отсутствует существенный прогресс, что стало очевидным уже к концу 2010-х – началу 2020-х гг.,

---

¹⁹ Tokyo Protests to Seoul, Moscow over Air Incident near Takeshima // Nippon.com. 23.07.2019. URL: <https://www.nippon.com/en/news/yjj2019072301050/tokyo-protests-to-seoul-moscow-over-air-incident-near-takeshima.html> (accessed: 02.03.2022).

²⁰ МИД КНР: односторонние санкции могут помешать политическому урегулированию на Украине // ТАСС. 28.02.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13893313> (дата обращения: 02.03.2022).

приводит к выводу, что они имели многоплановый характер, были глубже и сложнее, чем просто факт отсутствия мирного договора. Это означает, что даже в случае гипотетического заключения последнего (что, впрочем, как уже было сказано выше, в обозримой перспективе невозможно), какого-либо радикального прорыва в российско-японских связях не произойдёт, как не случится и существенного изменения позиции Токио в текущей международно-политической системе.

Попытка активизации российско-японских отношений при С. Абэ опиралась фактически лишь на личные политические амбиции японского лидера и на мнение его окружения (работающий в Японии британский политолог Дж. Браун, один из ведущих специалистов по российско-японским отношениям, подчёркивает роль в этом Судзуки Мунэо, политика из ЛДП, считающегося в Японии представителем «пророссийского лобби» [Brown, 2019]). Нечто подобное имело место и раньше, например, в конце 1990-х гг., когда премьер-министр Хасимото Рютаро (1996–1998) поставил задачу построения принципиально новых отношений с Россией. Однако не слишком продолжительный период активизации двусторонних контактов подошёл к концу, когда в 2001 г. к власти пришёл Коидзуми Дзюньитиро, чей курс в отношении Москвы опирался на требование единовременного возвращения четырёх островов.

Можно сказать, что в российско-японских отношениях ещё до коллапса, связанного с событиями 2022 г., наметилась прискорбная тенденция движения по своеобразному «порочному кругу». Так, после долгого периода «заморожков» очередной японский лидер, стремясь добиться на приемлемых для Токио условиях решения вопроса, который японская сторона называет «территориальной проблемой», и надеясь за счёт этого заработать соответствующие политические дивиденды у избирателей, выступает с инициативой обновления отношений с Москвой, подкрепляя свои слова готовностью развивать экономические связи. Российская сторона, заинтересованная в потенциальных выгодах, подхватывает инициативу. Наступает продолжающийся несколько лет период активных контактов на высшем уровне, сопровождающихся (часто по принципу «сверху вниз», а потому подчас не обладающих самоподдерживающимся характером) проектами сотрудничества в различных сферах. Через некоторое время становится очевидно, что российская сторона не готова к каким бы то ни было территориальным уступкам, а японцы воспринимают проекты сотрудничества не столько как равноправное взаимодействие, сколько как попытку «купить» согласие Москвы решить «территориальный вопрос» на выгодных для себя условиях. На всё это часто накладываются и другие сдерживающие факторы структурного характера, о которых говорилось выше. Это приводит к затуханию контактов на высшем уровне, что сопровождается периодическими демаршами обеих сторон, которые призваны показать уже внутренней аудитории готовность не «торговать» национальными интересами. После этого наступает очередной период похолодания. Без качественного изменения базовых мотиваций, интересов и позиций сторон это будет означать, что даже если когда-нибудь в будущем японская или российская сторона выступят с новой инициативой развития двусторонних связей и снова попытаются договориться о заключении мирного договора, то результат будет аналогичным.

Любые конкретные прогнозы по поводу контактов России и Японии, которые можно было давать ещё в начале 2022 г. на основе анализа динамики двустороннего трека, сейчас, очевидно, потеряли смысл. Всё будет зависеть от исхода украинского кризиса и от степени

изоляции России и трансформации её политической и экономической систем в этих условиях. Тем не менее не следует забывать, что препятствия на пути развития двусторонних связей далеко не ограничиваются актуальным международным контекстом или проблемой территориального размежевания и отсутствия мирного договора. Есть и другие факторы, препятствующие взаимодействию Москвы и Токио, и неудача предпринятой в середине 2010-х гг. попытки двустороннего сближения в значительной мере была следствием недостаточного внимания к ним.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Казаков О.И. Иностраный туризм Японии накануне Олимпийских игр 2020 года // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 81–96.

Казаков О.И. К вопросу об активизации российско-японского диалога по территориальной проблеме // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 33–45.

Казаков О.И. О «хикивакэ» в российско-японских отношениях // Японские исследования. 2016. № 1. С. 47–58.

Кистанов В.О. Россия и Япония: актуальные проблемы отношений // Актуальные проблемы современной Японии. 2017. № 31. С. 7–26.

Кистанов В.О. Треугольник Россия-Япония-Китай во внешней политике Абэ: территориальный аспект // Российское японоведение сегодня: К 20-летию Ассоциации японоведов. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 55–67.

Нелидов В.В. Российско-японские двусторонние отношения: пределы сближения // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 65–82. DOI: 10.24411/2686-77022019-10012

Нелидов В.В. Новая неопределенность в российско-японских отношениях // Японские исследования. 2020. № 4. С. 123–140. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10031

Панов А.Н. Советско-японская совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации // Японские исследования. 2019. № 2. С. 63–94.

Панов А.Н., Стрельцов Д.В., Куреева А.А., Нелидов В.В. Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе. М.: РСМД, 2019. 44 с.

Стрельцов Д.В. Вопросы исторического прошлого в российско-японских отношениях. Москва: Carnegie Endowment for International Peace, 2016. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Streltsov_Rus_web_1.pdf (дата обращения: 02.03.2022).

Стрельцов Д.В. Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития // Вестник МГИМО-Университета. 2020. 13(3). С. 68–85.

Стрельцов Д.В. Российско-японский политический диалог в 2016-2017 гг. // Ежегодник Япония. 2017. № 46. С. 26–44.

REFERENCES

Kazakov O.I. (2020). Inostranniy turizm Yaponii nakanune Olimpiiskikh igr 2020 goda [Japan's inbound tourism on the eve of the 2020 Olympic Games], Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics], 1: 81–96. (In Russian).

Kazakov O.I. (2019). K voprosu ob aktivizatsii rossiisko-yaponskogo dialoga po territorial'noi probleme [On the issue of the activization of the Russia-Japan dialogue on the territorial issue], *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 1: 33–45. (In Russian).

Kazakov O.I. (2016). O “khikivake” v rossiisko-yaponskikh otnosheniyakh [“Hikiwake” in Russian-Japanese relations: Both Sides No Gain], *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 1: 47–58. (In Russian).

Kistanov V.O. (2017). Rossiya i Yaponiya: aktual'nye problemy otnoshenii [Russia and Japan: Current problems of relations], *Aktual'nye problemy sovremennoi Yaponii* [Current issues of contemporary Japan], 31: 7–26. (In Russian).

Kistanov V.O. (2015). Treugol'nik Rossiya-Yaponiya-Kitai vo vneshnei politike Abe: territorial'nyi aspekt [The Russia-Japan-China triangle in Abe’s foreign policy: Territorial aspect] in: *Rossiiskoe yaponovedenie segodnya: K 20-letiyu Assotsiatsii yaponovedov* [Russian Japanese Studies today: On the 20th anniversary of the Association of Japanologists], Moscow: IDV RAN. (In Russian).

Nelidov V.V. (2020). Novaya neopredelennost' v rossiisko-yaponskikh otnosheniyakh [New uncertainty in Russo-Japanese relations], *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 4: 123–140. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10031

Nelidov V.V. (2019). Rossiisko-yaponskie dvustoronnie otnosheniya: predely sblizheniya [Russian-Japanese bilateral relations: limits of rapprochement], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 65–82. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-77022019-10012

Panov A.N. (2019). Sovetsko-yaponskaya sovместnaya deklaratsiya 1956 goda: slozhnyi put' k podpisaniyu, nelegkaya sud'ba posle ratifikatsii [The Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956: a difficult path to signing, a hard destiny after the ratification], *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2: 63–94. (In Russian).

Panov A.N., Streltsov D.V., Kireeva A.A., & Nelidov V.V. (2019). Perspektivy razvitiya rossiisko-yaponskikh otnoshenii na novom etape [The Prospects of Development of Russian-Japanese Relations in the New Era], Moscow: RSMD. (In Russian).

Streltsov D.V. (2020). Rossiisko-yaponskie otnosheniya: dolgosrochnye faktory razvitiya [Russian-Japanese Relations: Long-Term Development Factors], *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 13 (3): 68–85. (In Russian).

Streltsov D.V. (2017). Rossiisko-yaponskii politicheskii dialog v 2016-2017 gg. [Russian-Japanese Political Dialogue in 2016-2017], *Ezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 46: 26–44. (In Russian).

Streltsov D.V. (2016). Voprosy istoricheskogo proshlogo v rossiisko-yaponskikh otnosheniyakh [Issues of Historical Past in Russian-Japanese Relations], Moscow: Carnegie Endowment for International Peace. Available at: https://carnegieendowment.org/files/CP_Streltsov_Rus_web_1.pdf (accessed: 02.03.2022). (In Russian).

* * *

Abiru T. (2019). Japan and the Development of the Russian Far East. *Valdai Discussion Club. Valdai Papers*, no. 106. Available at: <https://valdaiclub.com/files/26173/> (accessed: 02.03.2022).

Akimoto D. (2021). The Arrival of Kishida Diplomacy? *The Diplomat*. September 07. Available at: <https://thediplomat.com/2021/09/the-arrival-of-kishida-diplomacy/> (accessed: 02.03.2022).

Brown J. (2016). Japan, Russia and their Territorial Dispute. The Northern Delusion. New York: Routledge.

Brown J. (2019). Japan-Russia Relations and the Miraculous Revival of Suzuki Muneo. *The Asia-Pacific Journal. Japan Focus*, vol. 17, is. 18, no. 3. Available at: <https://apjif.org/2019/18/Brown.html> (accessed: 02.03.2022).

Hornung J.W. (2020). Japan Is Cancelling a U.S. Missile Defense System. *Foreign Policy*, July 02. Available at: <https://foreignpolicy.com/2020/07/02/japan-aegis-ashore-expense-cancel-united-states-alliance/> (accessed: 02.03.2022).

Iwashita A. (2019). Abe's Foreign Policy Fiasco on the Northern Territories Issue: Breaking with the Past and the National Movement. *Eurasia Border Review*, 10 (1): 111–133.

Поступила в редакцию: 01.03.2022

Финальная версия: 02.03.2022

Принята к публикации: 13.03.2022

Received: 01 March 2022

Final version: 02 March 2022

Accepted: 13 March 2022